

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Д. И. Тихонов

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ

Термины, будь то социальные или культурно-этнические, всегда представляли интерес для Б. И. Панкратова. Поэтому здесь уместно будет коснуться некоторых терминов, бытовавших у монголов и уйгуров. Наличие одних и тех же терминов у народов, живущих по соседству в течение многих столетий, сохранявших политический и культурный контакт, явление вполне нормальное. Если же принять во внимание, что уйгуры длительное время находились в вассальной зависимости от монголов, то неизбежно должно происходить заимствование некоторых элементов культуры, наиболее важных слов, терминов и т. д.

Обычно авторы, изучающие налогообложение в Средней Азии, в Закавказье, в Иране, высказывают мнение о том, что налоговые термины *калан*, *купчур* — монгольские. Такое предположение высказывалось на том основании, что в персидских источниках термины *калан* и *купчур* стали появляться после монгольского завоевания. До монгольского завоевания в Иране, и, видимо, не только в Иране, основной налог был харадж, и лишь после прихода монголов появился новый налоговый термин — *купчур*. В свое время Катрмер указал на первоначальное смысловое значение слова *купчур* — «пастбище» [6, 256]. Последующие исследователи этого термина до настоящего времени исходят из этого замечания Катрмера, но Катрмер исходил из персоязычных источников. Приняв за исходное, что термин *купчур* монгольский, а монголы были кочевники, следовательно, взимали пастбищный сбор. При этом упускается из виду то, что после того, как они завоевали страны с оседлым населением, где было развито земледелие, имелись большие города, монголы своим привычным термином *купчур* стали называть налоги, взимавшиеся с оседлого земледельческого и городского населения.

В «Сокровенном сказании», представляющем самый ранний письменный монгольский памятник, датируемый 1240 г., терминов *калан* и *купчур* нет. Отсутствие их можно объяснить и тем, что «Сокровенное сказание» представляет скорее эпический памятник, поэтому не может быть в нем налоговых терминов. Подобное возражение вполне уместно, и его следует учитывать. В памятниках квадратного письма, написанных значительно позднее «Сокровенного сказания», термин *купчур* имеется, но приводится одновременно с термином *албан* — *албан-купчур*. Употребление одновременно двух терминов, может быть, следует объяснить тем, что они были равнозначны по содержанию. Если это действительно так, то монгольский термин *албан* стал употребляться

одновременно с другим, которого прежде не было в монгольском языке,— *купчур*. Едва ли здесь происходило одно только механическое совмещение двух терминов. Несомненно, старый термин принимал новое содержание. Но со временем новый термин вошел в обиход и употреблялся самостоятельно. В памятниках квадратного письма налоговый термин *калан*, видимо, еще не появлялся. В таком случае можно предполагать, что он стал употребляться позднее *купчура* или же не имел такого распространения среди монголов.

Уйгурский идикут Баурчук признал себя вассалом Чингисхана в 1211 г. В таком случае налоговые термины *калан* и *купчур* и налоги под этими названиями начали взиматься в XIII в. Но в уйгурских документах имеются свидетельства, указывающие на сбор *калана* и *купчура* до того, как монголы подчинили себе Среднюю Азию, Закавказье, Иран. В одном из документов сказано: «Мое слово Таиынчаку, из твоего прося, которое ты платишь в качестве купчура, отдай этому Шамизу Таишма три кури проса. Я собираю ясак для хана» [7, № 69]. Термин *ясак* стал употребляться уйгурами после подчинения монголам, наличие двух терминов, *купчур* и *ясак*, есть свидетельство того, что документ был написан во время монгольского господства.

О термине *калан* говорится в прошении виноградарей инджу на имя Кутлук-хана: «...распределяя *калан*, садовникам инджу не дал *калан*», а в конце говорили: «в этом году умрем, если обязаны будем с каждого мужчины платить два *албана*» [7, № 22]. Автор жалобы, видимо, не мог допустить ошибку, когда на протяжении всего текста документа употреблял слово *калан*, а в самом конце заменил его другим словом — *албан*. Для него они одинаково означали государственный налог. Жалоба виноградарей написана на имя Кутлук-хана, правившего в середине XIV в.

В монгольский период налоговые термины *купчур*, *калан*, *албан* употреблялись как равнозначные по содержанию. Ими обозначался государственный налог. Следовательно, вопрос состоит в том, какие из них встречаются раньше в письменных источниках. Налоговые термины *калан* и *купчур* имеются в древнеуйгурских текстах. *Купчур* называется в ярлыке Кадыр-хана [7, № 88], а *калан* — в «Обязательстве общин» [7, № 77].

В литературе иногда встречаются указания на то, что уйгурские документы были написаны в XIII—XIV вв. Однако изучение их приводит к выводу, что некоторые из них следует относить к более раннему времени (по Радлову, док. № 26, 43, 77, 78, 88, 92).

В. В. Радлов замечает, что документ № 88, т. е. ярлык Кадыр-хана, не имел печати, следовательно, мог представлять лишь черновой вариант или копию, а не текст грамоты, принявший законную силу после фиксации на ней печати Кадыр-хана. Каковы бы ни были причины отсутствия печати на грамоте, дошедшей до нас, мы не можем не принимать ее во внимание при изучении социальных терминов. В ней зафиксировано действительное положение вещей. Самое главное состоит в том, чтобы установить время написания ее.

Когда же была написана «Жалованная грамота»? Особенности орфографии, своеобразие терминов дали возможность В. В. Радлову отнести некоторые документы к раннему времени. По его мнению, документы 22, 26, 43, 77, 78, 88, 92 написаны до подчинения монголам Уйгурского государства. Языковые признаки являются убедительным доводом в датировке текстов, но если бы, кроме языковых признаков, отмеченных В. В. Радловым, удалось установить время правления Елик Кадыра, от имени которого составлен ярлык, то все решилось бы само собой.

В числе имен монгольских ханов имя Елик Кадыра не встречается. Следовательно, его надо искать в других династиях, правивших в одном из государств на территории нынешней провинции Синьцзян. Действительно, среди караханидов были правители с именем Кадыр.

В. В. Радлов в предисловии к изданию «Кудатгу-билика», сводя данные арабских авторов и нумизматические сведения, называет правителя из караханидов с именем Елик Кадыр, умершего в 423/1031-1032 г. Вот что пишет Ибн ал-Асир: «Против него (Арслан-хана. — Д. Т.) восстал Кадырхан Иусуф ибн Бугра хан Харун ибн Сулейман, который владел Бухарой». И несколько далее продолжает: «Кадыр-хан был человеком справедливым, прекрасного поведения и благородных поступков, вел много войн. Одним из его завоеваний был Хотан. Это страна между Сином (Китаем) и Туркестаном. Там много ученых и литераторов. И там Кадыр-хан оставался до 423/1031-1032 г. В этом году он скончался» [5, 210—211]. О Кадыр-хане, правителе Хотана в первой половине XI в. из караханидов, носивших титул илеков, имеются сведения и у другого восточного автора, которые сообщает В. В. Григорьев [2, 199].

В. В. Бартольд в своей работе «Очерк истории Семиречья» также пишет о Кадыр-хане Юсуфе из караханидов, правившем в Хотане. По данным нумизматики, он правил Яркендом в 1013—1014 гг., а в следующем, 1015 г. значится правителем Кашгара. Умер он, по одним сведениям в 1031 г., а по другим — в 1032 г. [1, 27]. Все авторы имеют в виду одного и того же Кадыра из караханидов, именовавшихся илеками.

Если же Кадыр-хан, правитель Хотана, и Елик Кадыр, жаловавший землю Мурутлукскому монастырю, одно и то же лицо, то «Жалованная грамота» была написана до 1031—1032 гг. одним из представителей караханидов, когда их государство было сильным в политическом отношении и охватывало обширную территорию, включая Хотан.

В пользу такого предположения можно было бы добавить еще один довод. В грамоте имеется термин *сангик-сангикик*, встречающийся в документах карошти из пров. Синьцзян, относящихся примерно к III—V вв. Буддийский термин *самгина* сохранился и позднее, как видно из текстов, приняв другое окончание, свойственное уйгурскому языку. Поскольку прослеживается ряд признаков, совпадающих во времени, то, казалось бы, можно «Жалованную грамоту» Елик Кадыра отнести к первой половине XI в. Но здесь следует принять во внимание следующие соображения. Грамота была найдена Турфанской экспедицией Грунведеля, а Турфанский оазис не находился в зависимости от караханидов. При этом караханиды были мусульмане, а пожалование делалось не мусульманскому религиозному учреждению. Конечно, эти возражения весьма существенны и их следует принимать во внимание.

Кадыр, имевший свою резиденцию первоначально в Хотане, мог пожаловать землю и виноградники буддийскому или же несторианскому монастырю в период укрепления власти. Эта идея ясно изложена в ярлыке. Монастырь должен молиться об укреплении его, Елик-Кадыра, могущества. Возможно, караханиды пытались продвинуться на восток и во время такого продвижения возникла рассматриваемая грамота. Если такое событие произошло, то, вероятно, его следует относить к тому времени, когда Кадыр правил в Кашгаре.

Конечно, «Жалованную грамоту» мог написать другой Кадыр, не из караханидов. Во время правления караханидского Кадыр-хана в Хотане и Кашгаре был другой Кадыр, о котором упоминает В. В. Григорьев в своей работе «Караханиды в Мавераннахре».

За последнее время социальные термины и титулы династий Центральной Азии привлекали внимание ряда исследователей. В данном

случае следует указать на статью О. Прицака. И все же необходимо заметить, что появление его статьи «От карлуков к караханидам», в которой много внимания уделено титулам названных династий, не облегчает решение нашего вопроса. Кадыр по-прежнему остается загадочной личностью.

Сложно ответить на вопрос о том, когда правил автор «Жалованной грамоты». Предположение, что автором был один из караханидских кадыров, остается пока лишь предположением, как было показано ранее, а другое лицо, которое можно было бы связать с именем, названным в «Жалованной грамоте», пока не удалось выявить. Сравнение полного титула Елик Кадыра с титулами, имеющимися в других документах, тоже не дает возможности окончательно решить вопрос. В самом начале «Жалованной грамоты» дан титул «*Кадыр билга тангри елик куты*», в других документах, опубликованных В. В. Радловым и С. Е. Маловым, имеется подобный же титул. Так, например, в № 26 читаем: «Тангри боку танрикамис Кул-билга тангри еликнинг». Кадыр встречается в документе № 92: «Кутлук Турмиш Кадыр Чиксы чсангдун». Полного совпадения титулов в приведенных случаях нет, но отдельные элементы повторяются.

В. В. Радлов на заседании Восточного отделения Археологического общества в 1908 г. в докладе об «Уйгурских фрагментах, открытых в Восточном Туркестане», говорил, что только уйгурские ханы конца VIII и начала IX в. носили титул «*Кутлук Билга ат тенгрита кут балмиш Каган*» [3, XIX—XX].

В «Жалованной грамоте» нет кагана, следовательно, ее автор не имел этого титула и надо искать другие параллели.

Если мы обратим внимание на титулы «Жалованной грамоты» и документа № 26, то обнаружим общее в них, что позволяет высказать предположение о близком времени их происхождения. Такое же сходство титулов мы видим в документах № 26 и 92. Если сходство титулов в какой-то степени является приемлемым аргументом, то все три документа следует отнести примерно к одному и тому же времени.

При сравнении начала «Жалованной грамоты» с другими документами, как, например, с грамотами Мангала, царя Аньси, обращает на себя внимание тот факт, что Мангал начинает свои грамоты ссылкой на указы Чингисхана, Угедей-хана и других, тогда как в «Жалованной грамоте» этой ссылки нет. Возможно, на Чингисхана ссылались только чингисиды.

Но ведь *яса* и все законы, вводимые Чингисханом и последующими ханами, были обязательны в Уйгурском государстве. А если грамота о пожаловании земли была написана после подчинения Уйгурского государства монголам, то в ней должно быть сказано о сохранении силы указов императоров.

Следующее соображение касается прав идикутов в решении внутренних вопросов. Пожалование земель, виноградников, освобождение этих земель от всех налогов и повинностей — вопрос немаловажный во внутренней политике идикутов.

В документе, опубликованном Г. Рамstedтом, относящемся к монгольскому времени, читаем: «...Тамур: наше слово. Ходжоскому идикуту Чинг-Тамуру, даруге Ичкекту...». Этот пример не единственный. Можно еще сослаться на документ, хранящийся в Рукописном собрании Института востоковедения. Начало его не сохранилось, но все же можно прочитать: «Наше слово. Ходжоскому идикуту, сановникам во главе с Кулун-Кая...».

Если даже незначительные вопросы разрешались таким путем, то

трудно допустить мысль, что пожалование земельных угодий с налоговым иммунитетом *идикут* мог решить своей властью и не ссылаться на указы ханов.

В качестве гипотезы можно высказать мнение о том, что «Жалованная грамота» была написана до XIII в. Если грамота, действительно, была написана не караханидом XI в., тогда она принадлежит одному из идикутов, правивших в Турфане до Баурчука. Но окончательно решить этот вопрос можно будет только после того, как удастся составить список всех идикутов. Пока же будем исходить из гипотезы и считать, что документы написаны до XII в.

Необходимо высказать несколько соображений о расположении мурутлукского монастыря, которому жаловалась земля и виноградники. Как известно, документ был найден в Турфанском оазисе. На основании этого факта можно полагать, что мурутлукский монастырь находился на территории Турфанского оазиса. Севернее современного Турфана имеется небольшая речка Муртук и на ней развалины древнего буддийского монастыря, тоже известные как Муртук. Нет ли общего между развалинами Муртук и монастырем, названным в «Жалованной грамоте», — «Мурутлук ариядан»?

Уйгурскому языку свойственна ассимиляция. В результате ассимиляции *л* перешло в *т* и получилось Муруттук. Поскольку живому разговорному языку свойственно сокращение и упрощение, то, быть может подчиняясь закону фонетического упрощения, выпало первое *у*. Если такое предположение является правильным, то развалины Муртук следует отождествить с бывшим Мурутлукским монастырем. Во всяком случае, лингвистически такое предположение вполне правомерно.

Определение места Мурутлукского монастыря важно не только с историко-географической точки зрения, но и по другой причине. Мы получим более достоверное доказательство того, что Елик Кадыр, от которого исходит «Жалованная грамота», правил до Баурчука. Мурутлукский монастырь был разрушен задолго до признания уйгурами зависимости от монголов. Это один из важных доводов в пользу предположения, что ярлык Елик Кадыра написан до монголов и термин *купчур* бытовал до монголов.

Датировка «Жалованной грамоты» Елик Кадыром очень важна для решения многих вопросов истории развития феодализма в Центральной Азии. В таком случае мы могли бы себе представить степень развития феодализма уже ко времени подчинения монголам. Возникла бы непрерывная линия развития общественных отношений со второй половины VIII до середины XIV в., т. е. до времени написания челобитной грамоты Кутлук Тимуру (1348—1362/3). Прежде имелись свидетельства VIII в., затем XIII—XIV вв., а период X—XII вв. не был подтвержден документами. Социальные отношения этого времени определялись по аналогии с источниками предшествующего и последующего времени. Теперь же пробел восполняется важными свидетельствами и представилась возможность расширить наши сведения и по этому периоду истории.

Другой, опубликованный В. В. Радловым, документ № 77, который условно назван «Обязательство общин», мы пытаемся отнести к XI в. лишь по аналогии с «Жалованной грамотой». В данном случае только языковой критерий служит основанием для такого решения вопроса. Дело в том, что как в «Жалованной грамоте», так и в «Обязательстве общины» встречается термин *сангик-сенгикик*, выражающий определенные отношения. Возможность отнести оба документа к одному времени возникает и потому, что в более позднее время термин *сенгикик* не

встречается, а отношения, которые выражались этим термином, обозначаются другим термином — *инджу*. В документе № 77 имеется налоговый термин «*калан*». Следовательно, он был в употреблении в Уйгурском государстве до подчинения монголам, поэтому нет оснований и *калан* считать монгольским налоговым термином.

В «Обязательстве общины» имеется другой термин — *кувак-кубак*, который также впоследствии не употребляется. Оба термина расширяют наши понятия об общественном строе X—XII вв. Языковые особенности, по мнению В. В. Радлова, дают основание относить и этот документ к более раннему времени, чем XIII столетие, т. е. к домонгольскому периоду.

Последним из этой группы следует считать документ № 78, представляющий собой завещание о наследстве. Он существенно дополняет данные первых двух и расширяет круг отраженных в них вопросов. В самом деле, мы имеем «Жалованную грамоту», где оговорено право иммунитета, перечислены налоговые термины, «Обязательство общины» с важными социальными терминами, с данными о правах общины, об обязательстве общинниками отбывать *кувак* и, наконец, завещание о праве наследования сыном земельного участка и всего имущества.

Следует сказать несколько слов о характере налогов, взимавшихся в Уйгурском государстве под названием *калан* и *купчур*. Факты немногочисленны, но все они взяты из деловых документов.

Налоговый термин *калан* был широко распространен. Община, выделяя своего члена для отбывания трудовой повинности, брала на себя обязательство платить за него все налоги, в том числе и *калан* [7, № 14]. О *калане* сказано и в другом документе [7, № 21]. Виноградари в своей жалобе Кутлук-хану неоднократно называют *калан* [7, № 22]. В этих случаях *купчур* не назван, поэтому можно предполагать, что *калан* считался основным налогом в пользу государства. Вносился он натурой — хлопчатобумажной материей [7, № 33, 38]. В счет уплаты *калана* поставлялись лошади для переезда чиновников [7, № 33]. Нормой взимания *калана* считалась, как можно проследить, одна десятая часть. Но по многим причинам могли происходить отступления от этой нормы.

Купчур тоже взимался натурой и деньгами. О поставке лошадей в счет *купчура* говорится в документах. В одном из них читаем: «...он дал виноградарю Салгар... одну лошадь в долг против бачак-таг. Он должен за это засчитать полтора бакыра серебра в счет *купчура*» [7, № 53]. В других случаях сумма серебра указана другая. Возможно, это объясняется разными сроками пользования лошадью.

Труднее всего проследить различие между *каланом* и *купчуром*. Возможно, *калан* взимался с оседлого земледельческого населения, а *купчур* — как с оседлого, так и с кочевого скотоводческого населения. Эти налоговые термины употребляются с другими — *албан*, *ясак*. И создается впечатление, что в период зависимости от монголов все эти термины обозначали основной уйгурский государственный налог, взимавшийся в размере одной десятой части [4, 101—106].

Рассмотрение приведенных фактов и логических доводов приводит к следующим выводам относительно налоговых терминов *калан* и *купчур*.

Термины *калан* и *купчур* тюркские, а не монгольские. Они употреблялись уйгурами до подчинения монголам. Оба термина имеются в документах, написанных до распространения монголами своего влияния на Уйгурское государство и другие территории. Монголы восприняли эти термины и распространили в покоренных странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В., Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943.
2. Григорьев В. В., Караханиды в Мавераннахре, — ТВОАО, ч. XVII, СПб., 1874
3. Радлов В. В., ЗВОРАО, т. XIX, СПб., 1910.
4. Тихонов Д. И., Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XVI вв., М.—Л., 1966.
5. Ibn el Afhir, Chronicon quod perfectissimum inscribitur ed. C. J. Tornberg, Lugduni Batavorum, vol. IX, 1865.
6. Pritsak O., Von den Karluk zu den Karachaniden, — Zeitschr. der Dtsch. Morgenländ, Ges. Bd. 101, Neue Folge, Bd. 26, Wiesbaden, 1951.
7. Quatremere M., Raschid — eddin. Histoire des Mongols de la Perse, T. I, Paris, 1836.
8. Radloff W., Uigurische Sprachdenkmäler, Л., 1928.